



ЗАПРЕТНОЕ ПЛАМЯ

Моя ошибка

ОДНА ОШИБКА — И МЫ С ТОБОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Encanto9

18+

Encanto 9

**ЗАПРЕТНОЕ
ПЛАМЯ: моя ошибка**

«Автор»

2026

9 Е.

ЗАПРЕТНОЕ ПЛАМЯ: моя ошибка / Е. 9 — «Автор», 2026

Василиса думала, что хуже Питера уже ничего не будет. Токсичный бывший, который называет её "своей". Съёмная квартира на Василеостровской. Память о матери, которая умерла в "обычной палате на четвёртом этаже". Но когда отец забирает её в московский особняк мачехи, она понимает: это не спасение. Это клетка. Он должен был стать её врагом. Она должна была стать его проблемой. То, что между ними — запретно. То, что между ними — опасно. То, что между ними — может убить их обоих. Но Василиса уже привыкла жить на грани. А Кирилл? Кирилл давно мёртв внутри. Она — единственная, кто может его воскресить. Или добить. "Запретное пламя" — это история о том, как два сломанных человека находят друг друга в мире, где любовь — это война. Где семья — это поле боя. Где единственный способ выжить — это сгореть дотла.

Содержание

Глава 1. Василиса	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Encanto 9

ЗАПРЕТНОЕ ПЛАМЯ: моя ошибка

Глава 1. Василиса

Пролог

И в этой хрупкой, опасной красоте было что-то, от чего у меня перехватывало дыхание. Что-то запретное. Что-то, что я не имел права замечать. Но я замечал. И каждый раз, когда мой взгляд касался её лица, я чувствовал, как лезвие входит чуть глубже.

Это была не её ошибка. Это была моя ошибка.

POV: Василиса

Московский дождь хлещет по тонировке «Майбаха» так, что хочется разбить стекло кулаком.

Разбить.

Вылезти наружу.

Сбежать.

Но я не сбегаю.

Я никогда не сбегаю.

Я сижу, сжав челюсти, и считаю секунды до того момента, когда этот гроб на колёсах остановится, и мне придётся выйти — к ним, к его новой жизни, к его новой жене, к его новому сыну.

Я впиваюсь ногтями в мягкую кожу сиденья, глядя, как за окном проплывают стены.

Высокие.

Кованые.

Униженные камерами, как чётки. Это не дорога — это глотка. Меня везут прямо в пасть.

— Скоро приедем, Василиса, — голос отца ровный. Отглаженный. Он звучит так, будто диктор сообщает о падении фондового рынка.

Я не оборачиваюсь. Только зеркало заднего вида ловит его отражение — лицо, которое я разучилась понимать. Седые волосы, прямой нос, губы — ни одной улыбки.

Он молчит.

Тишина давит.

Дворники отсчитывают секунды до конца моей прежней жизни: вжик-вжик.

— Я хочу, чтобы ты начала сначала, — говорит он. — Здесь. Со мной

«Со мной».

Я почти смеюсь.

Почти.

Со мной — это когда он не приходил на выпускной.

Со мной — это когда он забыл, как меня зовут, и назвал Машей на родительском собрании в седьмом классе.

Со мной — это когда он прислал деньги на день рождения матери вместо того, чтобы прилететь на похороны.

Мама.

Я запретила себе думать о ней. Потому что, если начну — не остановлюсь. А я не смею себе этого позволить.

Не здесь.

Не в этой машине, которая пахнет чужой жизнью. Она пахла ванилью. Танцевала на кухне в носках. Говорила: «Васька, ты — моя маленькая буря». А потом ее не стало в обычной палате на четвёртом этаже.

И с ней ушло всё живое во мне.

Отец пришёл на похороны. В чёрном костюме. С лицом, которое не выражало ничего. Он стоял у гроба — ровно, прямо, как на совещании совета директоров.

Не плакал. Не держал меня за руку. Даже не посмотрел.

Потом он уехал. В Москву.

К новой жизни.

К новым сделкам.

К новой женщине.

А меня — отправил в Питер. К дальней тёте. В съёмную квартиру на Василеостровской. Сказал: «Так будет лучше для тебя, Вася».

Лучше.

Слово, которое он произнёс так, будто подписывал контракт на поставку щебня.

Я не плачу. Глаза сухие, веки горят, но ни одной слезы. Вместо слёз — кулаки, сжатые до хруста в суставах. Ногти впиваются в ладони — острая боль возвращает в реальность. Я жгу себя сигаретами, оставляя круги на коже, лишь бы не чувствовать пустоту в груди. Чтобы не помнить. Чтобы не быть — её дочерью. Потому что быть её дочерью — значит любить.

А любить — значит потерять.

Я выбираю второе.

Каждый божий день.

Я закрываю глаза, и под веками тут же вспыхивает Питер. ЗСД ночью. Стрелка спидометра на двухстах. Вой ветра и смех Максима. Я чувствую тяжесть его руки на моём бедре — не ласку, а собственничество. Крик срывается с моего языка: «Рэй!» — и я вздрагиваю. Я до сих пор путаю, как его звать. Он сам себя так назвал. Рэй. Как кличка. Как приговор.

«Ты моя, Васёна. Запомни. Моя — и точка».

И его машину. Чёрное БМВ. С тонировкой в ноль. С номером, который я выучила наизусть, как заклинание: АА 777. Он называл её «зверем». Говорил, что она — единственная, кто его понимает. Что она — как он. Тёмная. Быстрая. Опасная.

Иногда он исчезал на ночи. Без объяснений. Без звонков. Возвращался под утро — с красными глазами, с запахом бензина и чего-то металлического, с царапинами на машине, которые он не удосуживался заделать. Однажды я увидела — на капоте, у лобового стекла, — вмятину. Свежую. Он сказал, что «кто-то подрезал на ЗСД». Я не стала спрашивать. Я уже тогда знала: есть вещи, которые лучше не знать. Есть вопросы, на которые ответы — хуже молчания.

Я сжимаю зубы так, что сводит челюсть. В кармане вибрирует телефон. Старый, второй. Тот, который я поклялась себе не отдавать. Я и так знаю, кто пишет.

— Приехали, — бросает отец.

Я открываю глаза. Ворота.

Не просто ворота — портал. Чёрный металл, выкованный в форме логотипа, которого я не знаю, и камера, разворачивающаяся к нам, как зрачок хищной птицы. Охранник в будке поднимает шлагбаум, даже не глянув в нашу сторону.

Мы — свои.

Я — чужая.

Дорожка короткая, выложенная серым камнем, мокрым от дождя.

И дом.

Я не в силах подобрать ему имя. Это не особняк, это не вилла. Три этажа чёрного стекла. Гроб. Терраса. Огни внутри — будто у дома лихорадка.

— Красиво, да? — отец впервые за весь путь звучит почти гордо. — Мария выбирала. Машина останавливается.

Я выхожу, и дождь тут же вливается в лицо тысячей ледяных игл. Я стою в мокрой футболке, с рюкзаком за плечами, и чувствую себя высаженной на чужой планете.

Воздух здесь — пустой.

Дверь дома открывается.

На крыльцо выходит Мария. Его новая жена. Высокая, в сером кашемире, с бокалом красного в руке. В десять вечера. Дождь для неё — не помеха, а часть личного спектакля.

Мария.

Я видела её один раз. На свадьбе. Полгода назад. В том самом ЗАГСе на Остоженке, куда отец даже не позвал меня, а просто прислал приглашение — как партнёру по бизнесу.

Она была в белом костюме. С короткой стрижкой. С губами, которые не улыбались — они просто разрешали присутствующим улыбаться. Я стояла в стороне, сжимая в руке стакан с соком, и думала: вот она. Та, ради которой он променял память о маме.

Я не злюсь. Злость сжигает тех, кому есть что терять. У меня внутри — пустота. Пальцы ледяные. Грудь не поднимается. Только сухость во рту и мерный стук сердца — как метроном. Я смотрю на неё — и думаю: вот она, та, ради которой он променял маму. И я хочу, чтобы она поперхнулась своим кашемиром. Чтобы её идеальная укладка посыпалась. Чтобы она хотя бы раз почувствовала, как у меня сейчас: ломит виски, сводит челюсть, и в груди — ледяной ком, который не проглатывается. Её взгляд скользит по мне — медленно, как по витрине. Оценивает.

Отбраковывает.

Как на картину, которую муж притащил в новый дом — не в тему, не в интерьер, но деть некуда.

Я знаю этот взгляд. Я видела его в глазах учительниц в питерской школе. В глазах продавщиц в дорогих бутиках, куда я заходила в мокрой куртке. В глазах девочек из «золотых» семей, когда я приходила на вечеринку в джинсах с дыркой на колене.

Чужая. Не наша. Не вписывается.

Хорошо.

Пусть думает, что я — мебель. Пусть думает, что я — тихая. Пальцы сами находят шрам на запястье.

Белый.

Тонкий.

Напоминание.

Ногти впиваются в ладони — до крови.

Пусть. Это единственное, что я сейчас чувствую. Если она протянет ко мне руку — я её укушу.

Как зверь. Как та, которой нечего терять.

— Александр, — она целует его в щёку. Её голос — ровный. Мёртвый. Как у диктора, читающего некролог. — Ты не предупреждал, что она приедет сегодня.

Они говорят обо мне в третьем лице. Я стою в трёх метрах, с мокрыми волосами, прилипшими к вискам, и слушаю, как два незнакомых человека решают мою судьбу.

Мария поворачивается ко мне.

Её глаза серые, холодные, умные.

Она смотрит на меня, как на дорогую, но неудобную мебель.

— Василиса. Добро пожаловать. Твоя комната на втором этаже. Надеюсь, тебе понравится.

— Спасибо. Мария.

Она чуть заметно кивает. Ни улыбки. Ни тепла.

— Пойдём. Александр, у тебя звонок через десять минут.
Отец смотрит на меня, и в его взгляде мелькает что-то, похожее на вину. Но вина — это чувство, которое он давно разучился испытывать.
— Осмотрись, Вася. Я скоро.
Он уходит за ней.
Я стою одна. Посреди мокрой дорожки. С рюкзаком за плечами и чемоданом у ног.
Водитель ждёт — вежливо, отстранённо, как все, кто здесь работает. Он не смотрит мне в глаза. Здесь никто не смотрит в глаза.
Здесь смотрят сквозь.
Я поднимая голову.
Смотрю на дом. На его окна. На его стены. На его жизнь, которая началась без меня.
И я знаю — там, есть ещё одна комната.
Его.
Сводного брата.
Я не знаю лица.
Не знаю, как он выглядит, чем пахнет, что любит, что ненавидит.
Но я знаю одно: он — её. Марии.
Её кровь.
Её проект.
Её единственный настоящий ребёнок в этом доме, где я — ошибка.
Отец упомянул его один раз. В машине. Сухим голосом, как упомянул бы курс евро: «У Марии есть сын. Кирилл. Он живёт с нами».
И всё. Ни слова больше. Ни фотографии. Ни истории.
Но я уже знаю.
Я знаю — он будет моим врагом.
Не потому, что он плохой. А потому, что он — её. Потому что, когда он посмотрит на меня, он увидит не Васю.
Он увидит — проблему.
Угрозу.
Чужеродное тело, которое нужно отторгнуть.
И я — помогу ему.
Я буду дерзкой. Я буду холодной. Я буду смотреть ему в глаза так, будто он — пустое место. Я буду курить при нём. Я буду слушать громкую музыку. Я буду делать всё, чтобы он возненавидел меня — быстро, окончательно, без права на апелляцию.
Потому что ненависть — это просто. Ненависть — понятно. Ненависть — это стена, за которой я могу спрятаться.
А вот если он посмотрит на меня — и я почувствую что-то другое — вот тогда мне конец.
Потому что я — не умею чувствовать. Я разучилась. Мама забрала это с собой.
Я сжимаю ремешок рюкзака. Крепче. До боли.
Не думай о нём, Васька. Ещё рано. Ещё ты его не видела. Ещё он — просто имя. Просто тень. Просто проблема.
Я делаю шаг к дому. Потом ещё один.
Внутри — пахнет чужой жизнью. Дорогим парфюмом, свежими цветами, чем-то, что нельзя купить, но можно почувствовать — деньги. Здесь даже воздух пахнет деньгами.
И где-то наверху — он.
Ждёт.
Не знает об этом.
Но ждёт.
Потому что я — чувствую.

Как чувствовала, когда Максим впервые посмотрел на меня через стойку бара в «Фише». Как чувствовала, когда впервые села за руль на ЗСД. Как чувствовала, когда впервые поняла — я жива, только когда мне страшно.

— Василиса.

Голос — за спиной. Ровный, отглаженный, как его костюм.

Я оборачиваюсь.

Мария.

Она идёт по холлу — медленно, уверенно, как хозяйка. Рядом с ней — мужчина. Высокий, худой, в чёрной форме. Белый воротничок, чёрные пуговицы, начищенные до блеска. Дворецкий. Настоящий. Не из фильма — из другой эпохи, из другого мира, где такие, как я, не существуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.